Выступление епископа Бачского Иринея после присуждения ему степени почётного доктора Санкт-Петербургской духовной академии

1 сентября 2019 года священнослужители Сербской Православной Церкви, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла совершающие паломничество к святыням Русского севера, ***посетили Санкт-Петербургскую духовную академию****, где приняли участие в Божественной литургии и торжественном акте по случаю начала нового учебного года. В ходе торжественного акта состоялась церемония вручения епископу Бачскому Иринею диплома почетного доктора honoris causa Санкт-Петербургской духовной академии. Звание было присвоено иерарху Сербской Церкви решением Ученого совета Академии 30 августа 2019 года.*

Епископ Ириней выступил перед присутствовавшими с докторской лекцией на тему «Пути современного сербского богословия».

Ваше Высокопреосвященство,

досточтимый Владыка

митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВАРСОНОФИЙ,

Ваше Преосвященство,

уважаемый Владыка

ректор Санкт-Петербургской духовной академии

епископ Петергофский

СИЛУАН,

Ваше Преосвященство,

уважаемый Владыка

наместник Александро-Невской Лавры

епископ Кронштадтский

НАЗАРИЙ,

Ваши Преосвященства, дорогие братья архиереи,

Всечестные Отцы, братья и сослужители о Господе,

глубокоуважаемые профессора и преподаватели,

досточтимые студенты и аспиранты,

дорогие братья и сестры,

Присуждение мне звания доктора богословия honoris causa Санкт-Петербургской духовной академии считаю особой честью, хотя и не вполне заслуженной с моей стороны. Воспринимаю его как одну из важнейших вех на пути моей многолетней богословской и исследовательской работы, а также в моей преподавательской и педагогической службе.

Высокое признание научно-богословского сообщества Русской Православной Церкви вижу для себя благодатным даром и видимым знаком нашего единства во Христе.

Поэтому я, прежде всего, воссылаю славу, воздаю поклонение и благодарение Господу нашему, Единому Человеколюбцу, Подателю всех благ, Сыну и Слову Божию, Первому и Вечному Богослову Церкви, благоволением Отца Его и содействием Пресвятого Духа – Источнику жизни, являющемуся также и источником нашего богословия, а после того я выражаю свое искреннее признание и тёплую благодарность Владыке Ректору и Учёному Совету Академии.

Размышляя, что сказать перед всеми вами в этом коротком обращении, я решил не развивать какую-либо общую богословскую тему и не выражать свой личный взгляд на те общие, всем нам известные истины и принципы без которых нет и быть не может православного богословия. Поэтому я не буду говорить, например, об Откровении Божьем, то есть о Священном Предании и Священном Писании как об источнике богословия, или о божественной Литургии как сердцевине жизни и Предания Церкви, или о богодухновенных богослужебных текстах как источнике богословия, или о взаимопроникновении истории и эсхатологии в православном понимании, или о мистическом, то есть благодатно-подвижническом характере православного богословия, или же о встрече и диалоге богословского и научного путей познания, или на другие темы такого рода, а выбрал именно вышеназначеную тему.

Всем нам известно классическое произведение отца Георгия Флоровского „Пути русского богословия“ (кстати, впервые изданное в Белграде). Вдохновляясь им, я осмелился – может быть,

слишком дерзновенно – дать своему скромному выступлению заглавие „Пути современного сербского богословия“, не с тем намерением, конечно, чтобы сделать подробный исторический обзор и глубокий анализ с богословской точки зрения, а с тем чтобы дать, в самых общих чертах, в рамках ограниченного времени, простой перечень основных тенденций и их сжатую оценку.

Притом, по известному правилу nomina sunt odiosa, я буду называть по имени не ныне здравствующих богословов, а только преждепочивших – и, к тому же, не всех, а лишь немногих. Добавлю ещё, что под современностью я подразумеваю двадцатое столетие и наше время.

Сербский народ во всяком отношении – географическом, историческом, культурном, церковном – народ границы, пограничный народ. В разные времена, в разных сербских областях, существовало несколько регионов под названием *Военная граница* или *Краина* (по-русски *Окраина*; кстати, я предполагаю, что и Киевская Русь позже получила название *Украина* из-за своего похожего пограничного положения по отношению к соседям – полякам и другим).

Ранее через сегодняшние сербские земли проходил римский лимес (limes) – граница между Западным и Восточным (позже Ромейским, Византийским) Римскими Царствами. Последствием такого размещения сербов явилось то, что они стали самым западным православным народом на Балканах, который всё время граничил с римокатолическими народами, в первую очередь с хорватами и венграми, а нередко с ними и жил совместно или смешанно. Это многовековое общение двух Церквей, двух духовных традиций и двух типов богословия – иногда в форме симбиоза и плодотворного сотрудничества, а иногда, даже слишком часто, почти всегда, в форме столкновения и противостояния – очень сильно повлияло на Сербскую Церковь и её богословие, причём как в положительном, так и в отрицательном смысле. Как у нас принято говорить, мы находимся между Востоком и Западом, мы – Запад Востока и Восток Запада. Но мы духовно должны быть над Востоком и Западом, как выражался святой иерарх и богослов Николай Велимирович; наш духовный путь – не направо и не налево, но вверх, как высказался Александр Исаевич Солженицын. Эта цель достижима только на путях нашего подлинного воцерковления, на путях истинного опыта всечеловечества во всеобъемлющей полноте и соборности нашей Кафолической Церкви. Жизненная задача и священный долг всех нас, православных, – именно повторять посильно опыт и подвиг святых Апостолов Христовых и святых Отцов и учителей Церкви, касательно же нас славян, в частности, – следовать завещанию наших учителей и просветителей Кирилла и Мефодия, их учеников Климента, Наума и прочих, святителя Саввы Сербского, преподобных Сергия Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского и всего сонма святых на вашей благословенной земле просиявших, новейших благодатных старцев и по настоящему просвещённых богословов наших дней.

Может быть, сие моё вступление является слишком длинным и не имеющим непосредственного

отношения к выдвинутой теме. Но тем не менее, приведённые исторические и церковно-богословские данные являются, согласно моему убеждению, ключом для понимания путей сербского – и не только сербского – богословия в целости, а также для понимания путей и ошибочных дорог современного сербского – и не только сербского – богословия в частности.

Как пример и иллюстрацию данной реальности я приведу, в первую очередь, личность и богословское творчество самого святителя Николая, епископа Охридского, а потом – Жичского. Он созревал и учился в эпоху до Первой мировой войны. В Белграде тогда не было ни одного высшего богословского учебного заведения. Все будущие сербские богословы и иерархи обучались преимущественно в русских духовных академиях, Московской, Санкт-Петербургской и Киевской, реже – на Халки и в Черновцах, а иногда где-то на Западе. Так и наш святой Владыка Николай учился в Берне, в Швейцарии, у старокатоликов, где стал достаточно стойким традиционным теологом, но по своему общему культурному образу всё-таки был типичным молодым образованным и культивированным европейцем, настоящим западником. Когда он вернулся в Сербию, с двумя докторскими степенями, тогдашний митрополит Белградский Димитрий сказал: ,,Всё это прекрасно, но, на всякий случай, он должен оправославиться; поэтому мы пошлём его на определённое время в Россию". Сказано – сделано: молодой иеромонах Николай, настоящий господин в рясе с манерами джентельмена, отправился в первом десятилетии двадцатого века в Россию, где жил и занимался в Духовных Академиях, но бо́льшую часть своего времени посвятил паломничеству – посещал самые знаменитые святыни, общаясь как с подвижниками и духовниками, так и с богомольцами из простодушного простонародья. И вот, в Сербию действительно вернулся другой человек – на этот раз традиционный православный иеромонах. Но процесс его духовного и богословского созревания еще не был завершенным. Он, правда, прославился на весь церковный и интеллигентский Белград как высокообразованный профессор и блестящий проповедник Слова Божия, но его книги из этого раннего периода, несмотря на удивительную осведомленность и эрудицию, а также на постоянный диалог с тогдашними научными течениями и с религиями и философскими системами Востока, особенно Индии, всё-таки не были полностью проникнуты духом святоотеческого наследия. Он, конечно, никогда не позволял себе релятивизации православного учения или какого-то наноса расплывчатых полусинкретических идей и полупантеистической окраски своего мышления, как некоторые его несправедливо обвиняли, однако в преклонном уже возрасте заявил, что лучше было бы, если б он не написал всего того, что написал в юности.

Решительный поворот в его внутренней духовной жизни и его богословствовании случился уже после Первой мировой войны, когда он стал епископом Охридским и встретился с исконным благочестием и неподдельной церковностью народа тогдашней Южной Сербии, нынешней же Северной Македонии. Кроме того, он в своей епархии, в семинарии города Битолы, общался и дружил с богословами-подвижниками, иеромонахами Иустином (Поповичем), сегодня уже

канонизированным преподобным современным Отцом Церкви, и Иоанном (Максимовичем), ставшим в последствии епископом Шанхайским, а потом Сан-Францисским, тоже современным святым иерархом и чудотворцем. В это же время он начинает регулярно посещать Афон и, после Берна и Лондона, учиться, заново и по-новому, в духовной обстановке афонских монастырей, отшельнических скитов и келий. Тогда он духовно привязался к отцу Силуану, русскому подвижнику на Афоне; привязался навсегда, став первым в мире, кто старца Силуана почитал святым угодником Божьим ещё при его земной жизни. С тех пор существует богословски полноценный Николай (Велимирович), прославивший сербское богословие на всю православную вселенную и повлиявший, больше многих, на инославный христианский мир. Надо добавить, что он, автор около десяти тысяч страниц в двенадцати больших томах, не писал академическим стилем, с „научным аппаратом“, но что, несмотря на это, он писал вдохновенно, совершенно в духе Предания и святых Отцов Церкви, глубоко, с удивляющим знанием. Он на примере собственного богословского творчества показал и доказал, что можно из богословского западника стать богословским почвенником и тем самым быть „над Востоком и Западом“.

Младшим современником и искреннейшим почитателем Владыки Николая был отец Иустин (Попович) (+1979), сегодня почитаемый под именем преподобного Иустина Челийского. Он, по моему ощущению, является изряднейшим подвижником благочестия в XX столетии, а его богословие – одной из жемчужин современного православного богословия. Трудно, кстати, понять нашей ограниченной логикой, как в городке Вранье на юге Сербии, только что освободившемся от турецкого ига, мог появиться такой человек. Возможное обяснение, наверно, – в том факте, что его предки через семь поколений были священниками и что он сам родился в намоленном доме и вырос, молясь часто у мощей преподобного Прохора Пчиньского, в расположенном неподалеку монастыре. (Некоторые из моих коллег-богословов в Сербии, если бы сейчас были с нами, услышав эти слова, подумали бы: „Вот что! Вместо того, чтобы выражаться академическим языком, по-научному, Ириней пересказывает какие-то Жития святых“. Возможно, это так и есть, но я, со своей стороны, вопреки такому упрёку, уверен, что Жития святых являются одной из вершин православного богословия. Впрочем, сам батюшка Иустин, когда он уже был очень авторитетным профессором догматики, не постеснялся перевести Жития святых на сербский язык, опубликовать их в двенадцати объёмных томах и на них ссылаться). О его богословской учёбе и преподавательском послушании я расскажу сейчас в самой сжатой форме.

Окончив духовную семинарию в Белграде, он в начале Первой мировой войны принял монашеский постриг и был отправлен в Россию для дальнейшей учёбы в Санкт-Петербургской (или, как она называлась в то время, Петроградской) духовной академии, но из-за беспорядков и надвигавшейся революции он был вынужден переехать в Англию, где окончил богословский колледж и, уже по окончании войны, вернулся на родину. Степень доктора богословия получил он в Афинах, в 1926 году. Между двумя мировыми войнами он преподавал догматическое богословие

в разных духовных семинариях: в Карловцах, где постоянно служил и дружил с митрополитом Антонием (Храповицким) и другими русскими архиереями и монахами, попавшими в Сербию после трагического крушения Российской Империи; потом в Белграде, где также общался с русской общиной и был другом семьи Зерновых, переехавших впоследствии в Англию; наконец, он был профессором в семинарии в городе Битоле в Южной Сербии (сегодня – Северной Македонии), где был сослуживцем Иоанна (Максимовича) (святого Иоанна Шанхайского) и сотрудником Николая (Велимировича) (святого Николая Охридского и Жичского). На кафедру догматики богословского факультета Белградского университета он был выбран в 1936 году. Вторую мировую войну провёл в монастырях, а после войны не смог возвратиться в Университет, потому что его, вместе со многими другими выдающимися учёными, объявили „врагом народа“. От расправы и смертного приговора (без суда, конечно) спас его профессор Душан Неделькович – ярый коммунист, бывший, однако, сподвижником аввы Иустина в деле учреждения „Сербского философского общества“. Приют он нашёл в одной маленькой и бедной обители – монастыре Челие в Западной Сербии, где жил на протяжении последующих тридцати одного года в молитве и трудах на ниве богословской науки, где и преставился кончиной преподобного. Кроме трёхтомной „Догматики”, им написано много трудов, которые отличаются друг от друга, но все они впечатляют богословской глубиной, свежестью и красотой языка.

Очень важной чертой его богословия я считаю то обстоятельство, что у него совершенно отсутствует изначальная двусмысленность современного сербского богословия в его шатании между Востоком и Западом, то есть между вдохновением из святого источника православного Священного Предания и влиянием почти пересохшего колодца западного спекулятивного богословия. С его первых богословских записок, составленных им в пятнацатилетнем возрасте, до его последних строк, написанных им на восемьдесят пятом году его земной жизни, за два дня до своей кончины, он всегда, неуклонно и неотступно, придерживался одного и того же богословского курса – понимания богословской науки не просто как одной, пусть даже самой важной, из гуманитарных наук или как своеобразной религиозной философии, а как „науки над науками“ и как „философии Духа Святого“, то есть как благодатного и подвижнического служения – толкования Откровения Божия внутри Церкви, по благословению Церкви и для назидания Церкви. Он всё время богословствовал в духе полной верности Священному Писанию и Священному Преданию, понимая и истолковывая их на основании творений святых Отцов, гимнографических и прочих богослужебных текстов, сочинений более поздних и современных богословов, равно как и иных источников этого рода. Он, конечно, ответственно и критически пользовался также серьёзной инославной богословской литературой, применяя принятую научную методологию при изложении своих мыслей и выводов. Мне кажется, что из всех современных сербских богословов именно он – единственный пример или, самое малое, один из весьма редких ярких примеров вполне последовательного неопатристического синтеза.

Современником святых Николая и Иустина был мой предшественник, епископ Новосадский и Бачский Ириней (Чирич), выдающийся иерарх и богослов, добросовестный исследователь Священного Писания, отличный знаток древнееврейского, древнегреческого и латыни, а также немецкого, английского и других современных языков, в том числе даже и венгерского; по-русски же он говорил и писал как настоящий русский человек. Он был воспитанником Московской духовной академии. Он, вместе с другими знаменитыми сербскими архиереями и богословами XX века (среди них были и исповедник веры митрополит Загребский Досифей и сам отец Иустин Попович), очень много сделал для утверждения Православия в Прикарпатской Руси, которая тогда находилась в составе Чехословакии. Вместе с тем отмечу, что именно он в своё время в Новом Саде рукоположил в священнический сан Владимира Родзянко, будущего известного епископа Василия, а также Гавриила Костельника, потрудившегося во имя возвращения множества униатов Закарпатья и Западной Украины в лоно Православной Церкви и претерпевшего за это смерть от упорствовавших униатов, равно как и прославленного недавно священномученика Станислава Насадила, этнического чеха, который являлся клириком Сербской Православной Церкви и был убит злодейской рукою в нацистской и ультракатолической Хорватии в годы Второй мировой войны.

На общем фоне современного сербского богословия выделяются также и весьма талантливые канонисты, которые внесли большой вклад в развитие церковного права в общеправославном масштабе. В старшем поколении это был веьма известный Никодим (Милаш), епископ Далматинский. Он – автор обширной книги „Православное церковное право“ на сербском языке, опубликованной затем и в греческом, немецком и, если я не ошибаюсь, русском переводах – книги, не устаревшей даже до наших дней. Он является и автором ряда других сочинений, ставших классическими, причём особо следует выделить его толкования на священные каноны Вселенских и Поместных Соборов – труд, который также не устарел в наше время. Но кроме его основного научно-богословского интереса – канонического права – он, как ревностный архипастырь, написал и труд исторического и полемического характера под заглавием „Православная Далмация“, в котором он доказывает многовековое присутствие Сербского Православия в Далмации, ополчаясь против попыток униатов и римо-католиков то ли обманом, то ли насилием просто „проглотить“ Православие и сербский народ в этой прославленной своей древнейшей апостольской христианской идентичностью области. Во всяком случае, добрый старый Милаш является одним из классиков сербского богословия.

Его гораздо младший современник и преемник, Сергий Викторович Троицкий, представитель многочисленной русской эмиграции в Сербии, преподавал исключительно на юридических факультетах, сначала в городе Суботица, а затем в Белграде, занимаясь также исключительно церковно-правовой проблематикой. Ему как учёному можно приписать двойную принадлежность: во-первых, сербскую, потому что провёл свою жизнь и трудился в Сербии, писал и публиковался

по-сербски, посвятив многие из своих исследований историческим и каноническим вопросам Сербской Церкви, и, во-вторых, русскую, потому что был русским, всегда оставался преданным своей родной Русской Церкви и многое публиковал также на русском языке. Замечательно, что его произведения, из которых некоторые написаны почти сто лет тому назад, дышат совершенной свежестью и так злободневны, как будто бы были написаны вчера или даже сегодня. Когда у него читаем о сущности и факторах автокефалии, о роли Константинопольской Церкви в вопросе автокефалии, о юрисдикции над православной диаспорой и других вопросах того же рода, у нас создается впечатление, что это теперь кто-то смело и умело, честно и добросовестно, притом с удивительным каноническим, историческим и общебогословским знанием, высказывает правильное, что значит православное, понимание нынешней церковной проблематики на Украине, созданной неправильными, что значит неправославными, новыми экклезиологическими учениями и вытекающими из них антиканоническими шагами Константинопольского Патриархата.

Вместе с тем, Троицкий как бы объясняет, здесь и сейчас, опасность раскола во всей Православной Церкви из-за фактического непризнания полноценности существующих автокефалий (кроме древних на Востоке) со стороны Фанара, из-за его притязания на всю православную диаспору как собственную юрисдикционную область (несмотря на многовековое миссионерское делание Русской Церкви на разных континентах, без и до константинопольского присутствия) и из-за понимания главы Константинопольской Церкви как „сверхепископа“ и „сверхпатриарха“, как „первого без равных“, как „вселенского патриарха“ в буквальном смысле „патриарха всей вселенной“, что – всё вместе взятое – сильно попахивает папизмом. Но сам по себе факт такой актуальности, по-настоящему злободневности, прозрения и глубокого анализа приснопамятного професора Троицкого не значит, что он обладал некой особой пророческой прозорливостью: он в качестве православного христианина и притом канониста подходящим образом отреагировал на слова и дела тогдашнего Константинопольского Патриарха Мелетия (Метаксакиса), вдохновителя и протагониста той новой, своеобразной, в определённом смысле „обновленческой“ экклезиологии и канонического права. Ибо сегодня у нас создаётся впечатление, что появился Metaxakis redivivus, вновь оживший Метаксакис, и что он, по-видимому, сделал шаг дальше. Всё это, к сожалению, „как в сказке – чем дальше, тем страшнее“. Таким образом, Троицкий является свидетелем не только своего, но и нашего времени. Его вклад в богословскую науку недооценим. Его забывать или им пренебрегать – это просто грех.

Но Троицкий не одинок по своей двоякой духовной и богословской принадлежности – сербской и русской. Надо напомнить, что белградский Богословский факультет не мог начать функционировать вплоть до 1920 года из-за нехватки преподавательских кадров. В 1920 году он „заработал“ благодаря русским богословам, нашедшим после кровавого красного Октября новую Отчизну в Сербии; вместе с тем можно вспомнить, что первый студент, который получил диплом нашего богословского факультета в Белграде был не серб, а русский – Николай Афанасьев,

впоследствии известный богослов, главный представитель евхаристической экклезиологии. По всем упомянутым соображениям и причинам я поминаю здесь приснопамятных профессоров Александра Павловича Доброклонского, Викентия Флориановича Фрадинского и иже с ними, которые, будучи русскими, много сделали для сербского богословия. Но это не всё. Были и русские, ставшие сербами, но при этом оставшиеся русскими, сделав многое для сербской науки и культуры, в рамках своих научных интересов обрабатывая и церковно-исторические и богословские темы. Среди них я упомяну два имени: Георгий Острогорский и Владимир Мошин. Оба они были членами Сербской Академии наук. Острогорский был основателем и главным представителем известной „белградской школы“ византологии, а Мошин одним из самых крупных специалистов по средневековой истории сербской письменности. В своих произведениях оба занимались и чисто богословской тематикой: Острогорский, например, писал много и хорошо об исихазме и так называемом „паламитском богословии“, а Мошин – он, кстати, был священником, протоиереем – о богословских трудах Сербского Средневековья. Вечная им память и наша благодарность!

Все упомянутые личности и их творчество находятся в русле традиционного православного богословия, но это не значит, что унаследованное духовное разделение не продолжалось и что влияние римско-католического и протестантского богословия прекратилось. Наоборот, оно в некоторых кругах даже усиливалось. Оттого в церковной среде стали в шутку говорить, что, когда читаешь то, что пишет той или иной профессор теологии, сразу можешь угадать, где он учился: в Германии или же в Греции (а до революции – чаще всего в России). Здесь я приведу лишь один пример либерального западнического менталитета и мышления в сербской богословской среде первой половины 20-ого столетия. Речь идёт об архимандрите Петронии Тербоевиче, дважды докторе богословия, человеке редкого ума и образования, занимавшемся преимущественно литургической тематикой. Он во многом оказался предтечей сегоднешней православной литургики, так как он покинул формалистическую и поверхностную концепцию литургики как „обрядословия“ и пошёл путём литургического богословия. Но, наряду с этим положительным фактором масштаба его трудов, есть у него и тезисы протестантствующего и даже гиперлиберального характера, местами родственные, а кое-где и тождественные с идеями „живоцерковников“ и „обновленцев“ ранней советской эпохи. При этом отец Петроний проецировал свои взгляды не только на литургическую жизнь Церкви, но и на другие сферы этой жизни. О внутреннем разделении или даже расколотости между православными и инославными истоками его богословствования ярко свидетельствует его книга „О реформама црквеним“ (О церковных реформах).

Во время Второй мировой войны богословская работа замерла по легко понятным причинам: Церковь и народ ужасно страдают; за одного убитого немецкого солдата немцы убивают сто заложников, среди них, в одном случае, и школьников. Одновременно идёт суровая гражданская

война между двумя движениями сопротивления, национально-патриотическим (движение генерала Драголюба Михаиловича) и чисто коммунистическим (движение Тито), а в Хорватии, крошечной нацистской и фашистской державе под эгидой Германии и Италии, уничтожают православные святыни, убивают трёх православных архиереев, сотни священников и монахов и, по меньшей мере, семьсот тысяч православных сербов, при участии более чем тысячи католических хорватских священников в кровавых расправах и ужасных злодеяниях. Надежда на то, что Церкви будет легче и что богословская работа расширится после войны, оказалась напрасной. В течение двух-трёх лет после войны сербские коммунисты продолжили деятельность хорватских усташей-нацистов не только на хорватской территории, но и по всей Югославии. Преследовали верующих, грабили церковное имущество, в отдельных местах оскверняли и разрушали храмы, причём православных священников и монахов они в то время убивали как раньше хорватские усташи. Мученическая кончина от рук безбожников постигла и двух подвижников, весьма одарённых богословов: иеромонаха Михаила Джусича и монаха Иакова Арсовича.

В тяжёлых условиях, с огромным трудом, Церковь возобновила деятельность двух духовных семинарий и открыла, гораздо позже, ещё три. Богословский факультет был изгнан из Университета (в официальном решении тогдашнего правительства – незаконном, принятом без согласия Университета – присутствовала формулировка в духе времени: «Богословский факультет – ликвидировать!»), так что факультет, теперь уже под эгидой Священного Синода, продолжил свою работу в трудных, нищенских условиях. В таких обстоятельствах было практически почти невозможно развивать богословскую науку, а публиковался только «Гласник» (Вестник) – официальный журнал Церкви. Югославская система была точной копией советского порядка вещей. Всё же, со временем, постепенно наступила оттепель, затем и значительное смягчение системы, и Церковь могла уже трудиться больше и лучше – как в пастырском окормлении верующих, так и в дальнейшем развитии богословия. Тружеников на этом поле было мало – только немногочисленные профессора Богословского факультета, некоторые из преподавателей духовных семинарий и кое-кто из священников, монахов и мирян. Но уже в последние годы коммунистической власти наступил духовный переворот. Книги отца Иустина, Владыки Николая и других запрещенных авторов, доступные до тех пор только как „самиздат“ и „тамиздат“, стали печататься в больших тиражах; появились новые церковные журналы, сборники, различные периодические издания, переводы святоотеческой, аскетической, современной богословской, назидательной литературы... Юноши и девушки хлынули на наш богословский факультет. Но после трёх или почти четырёх десятилетий относительного подъёма или, по крайней мере, нормального развития духовности и богословия наступил, не совсем внезапно и беспричинно, какой-то застой, определёная усталость. Я думаю, что мы сегодня находимся именно на таком этапе. Я выскажусь теперь вкратце об этом последнем периоде, охватившем время от подъёма до застоя. Имена богословов, разумеется, я нарочно не буду называть, поскольку речь идёт о живых

людях.

В данном периоде, к сожалению, сохранилось унаследованное от прежней эпохи разделение на „почвенников“ и „западников“. Однако на сей раз оно проявляется в другой форме. Раньше преобладали богословы, которые вдохновлялись Преданием и Отцами Церкви, и другие, которые богословствовали под б*о*льшим или меньшим влиянием латинского и германского Запада. Теперь же они по преимуществу делятся на традиционных православных богословов, понимающих богословие прежде всего как внутрицерковное, опытное, благодатно-подвижническое умственное делание и как ответственное служение Церкви, и на представителей так называемого чисто научного богословия, понимающих богословие прежде всего как свободную рефлексию, как не ограничиваемое церковным авторитетом исследование христианского учения и христианской письменности.

Для такой якобы строго научной теологии Церковь практически не нужна – да и сама вера в Бога вряд ли необходима. Важно изучить, исследовать, проанализировать, сравнить, объяснить и так далее. Ещё важнее – прийти к оригинальным выводам, ни в коем случае не повторить то, что уже было сказано или написано. Один сербский богослов этого профиля написал недавно, что оригинальность и уникальность – это истинная богословская добродетель, а повторение – это грех. То, что, по Апостолу, Христос вчера, сегодня и во веки Тот же, ему, очевидно, неинтересно. То обстоятельство, что само по себе понятие Священного Предания подразумевает постоянное повторение, его не волнует. Он не понимает или не хочет понять, что Предание есть то, что неизменно передаётся Христом, Апостолами и Отцами из поколения в поколение, вплоть до нас и до конца истории. Передаётся новым языком, в новом издании, в диалоге с каждой эпохой, но никогда с новым содержанием: nove, sed non nova. Его, наконец, не затрагивают следующие слова святого Иоанна Дамаскина: „Я не скажу ничего своего“ (Ἐρῶ γὰρ ἐμὸν οὐδέν).

Для библеистов той же школы мышления не существует богодухновенное Священное Писание: оно воспринимается ими просто как «Писание» или «Библия». Ветхий Завет в их понимании – это еврейская Библия. Все или почти все ветхозаветные персонажи, начиная от Адама и Евы, для них суть символы и метафоры, а не реальные исторические личности (здесь возникает вопрос: кто и что есть Новый Адам, Христос? Также символ и метафора?). Ветхозаветные повести и события, говорят, просто „нарративы“, легенды, мифы, а не достоверные повести и исторические события. Один из них дерзнул сказать, что исторически, может быть, Гроб Христов и не был пустым, но что первые христиане в любом случае поверили бы в Воскресение Христово. Они усваивают теорию эволюции, даже в её вульгаризованной и идеологизированной дарвинистической версии, как „единственную научную теорию“, а повесть Книги Бытия о сотворении мира и человека публично провозглашают „научно иррелевантной“. Сжимая их совместный взгляд, один из них заявил: „Мы занимаемся наукой, а если Церковь нуждается в попах, это её проблема и пусть делает что ей

заблагорассудится!“ Перечислять дальше можно, но не должно: sapienti sat! Насчёт богословов традиционного православного направления те же самые заявляют с насмешкой, что их богословие не есть богословие научное, но просто керигматическое (проповедническое) богословие, без творческого духа и пророческой смелости, сплошное повторение чужих слов и раболепие перед формальным авторитетом прошлых времён.

Всё это, разумеется, крайне несправедливо и неверно. Они сознательно „забывают“, что именно „проповедь Апостолов и догматы Отцов“ (τῶν Ἀποστόλων τὸ κήρυγμα καὶ τῶν Πατέρων τὰ δόγματα), как поём в Неделю святых Отцов, лежат в основе подлинного богословского творчества, а не какие-то безусловные, мол, „научные постулаты“, и что Священное Предание всё время течёт дальше, но всегда „паки текуще на первое“. Они, чаще всего, попадают в собственную ловушку: отождествляют наукообразие своих сочинений с научностью (выражение *наукообразие*, кстати, я заимствовал из книг знаменитого Александра Зиновьева). Они не способны догадаться, что у некоторых, даже многих, традиционных – или, пользуясь их выражением, «консервативных» – богословов можно найти безукоризненную научную методологию и незыблемые научные результаты, притом без любого отклонения от Священного Предания, а у них можно встретиться с наукообразной цитатологией, иногда и цитатоманией, и с опрометчивым усвоением гипотез и тезисов инославных авторов, в отдельных же случаях и с усвоением учений несовместимых с православной верой. Здесь бесполезны вариации и будто бы оригинальные добавления, изменения и улучшения. Только по плодам узнаём и дерево, и человека, и христианина, и христианского теолога. Я знаю, что в моём обращении в сию минуту будет, наверно, неуместным рассказать что-то шутливое и анекдотическое. Но я всё-же сделаю это, испрашивая вашего снисхождения и прощения, чтобы и таким образом проиллюстрировать сказанное мною. Данную шутливую историю я услышал „во время оно“ из уст самого преподобного аввы Иустина. Он, как известно, был в очень дружеских отношениях с митрополитом Антонием Храповицким и знал о событии непосредственно от владыки Антония. Итак, подходит кто-то к владыке Антонию и начинает расхваливать новое произведение некоего немецкого учёного богослова. „Давай, посмотрю!“– говорит Владыка. После осмотра он заявляет: „Этот человек дурак.“ Но тот, кто превозносил немецкого профессора спрашивает с изумлением: „Ну как же, Владыка? Столь много данных, подробный анализ, изрядный научный аппарат, а Вы о нем так выражаетесь?“ И вот ответ Владыки: „Ну, ладно, если это так, то он не дурак, а набитый дурак.“

В итоге моего обзора темы я подчёркиваю что на современной сербской богословской сцене, вопреки упомянутым вызовам модернизма и искушениям мнимой научности у одной части богословствующих, самое ядро нашего богословия сохранилось, а убедительное большинство наших теологов остается стойким и непоколебимым на почве преданности чистому Православию, Церкви и воцерковленному умозрению таинства веры. Если мы посмотрим глубже, то поймём, откуда вообще это болезненное разделение: если кого-то из богословствующих регулярно видим в

храме Божием, на Божественной литургии и других богослужениях, нам наперед наглядно ясно и его богословское направление; наоборот, если кто-то не ходит в храм Божий или мы его видим в редчайших случаях – тоже наперёд уже всё ясно. Блаженнопочивший отец Георгий Флоровский говорил, что богословие существует только тогда, когда университетский зал в единстве с алтарём, профессорская кафедра – с Престолом Господним, а богословие – с богослужением. Эти мудрые слова великого русского и всеправославного учителя богословия должны быть путеводительством для современных сербских, греческих, русских и всех остальных богословов. Я надеюсь, что опыт современного сербского богословия, хороший и плохой, может быть полезным и для остальных православных братьев и сестёр. Всем нам поможет пример новосвятоотеческого богословия в Греции (подчёркиваю: Греция – не Фанар, а Греция), особенно же пример обновленного подлинно православного богословия в Русской Православной Церкви, где все Духовные академии – сия Санкт-Петербургская, Московская и Киевская – находятся внутри стен величайших Лавр или рядом с ними, во всяком случае под их духовным влиянием. Все, кто из сербов учился в одной из них, был, есть и будет православным богословом, истинно церковным. Мы, сербы, за это глубоко благодарны, а я смиренно благодарю вас за внимание и терпение.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46153/